

В Чжан Цифэне не было ничего примечательного. Если судить по его происхождению и жизненному пути, он казался фигурой даже более простой и понятной, чем сам Сюэ Линцзин.

Закончив свой неторопливый рассказ, глава школы Сюэ тяжело склонил голову на плечо Шитоу и уснул глубоким, беспробудным сном. Тот осторожно коснулся пальцами его губ, проверяя дыхание.

Цыкнув сквозь зубы, Шитоу бесшумно проскользнул в комнату. Он устроился на циновке рядом с Сюэ Линцзином, скрестив ноги, и принялся терпеливо распутывать клубок мыслей, вызванных услышанным.

Чжан Цифэн обрёл Дао в тридцать лет, а к сорока полностью отказался от земной пищи, достигнув ступени бигу. Из-за столь позднего вступления на путь самосовершенствования он, хоть и обладал вполне благообразной внешностью, выглядел увядающим старцем на фоне юных гениев школы Улин. И то, как этот зрелый мужчина угодливо кланялся едва разменявшему третий десяток Сюэ Линцзину, величая его «шицзу», со стороны смотрелось нелепо и даже дико.

«В юности Чжан Цифэн был простым книжником. В отличие от Цихэ, он всем сердцем желал сделать карьеру чиновника, — всплыли в памяти Шитоу недавние слова Сюэ Линцзина. — В искусстве взращивания бессмертия время дорого: чем раньше начнёшь, тем крепче будет костная основа. Поэтому в школу Улин детей принимают лет в семь-восемь, от силы — в одиннадцать. Но когда Цихэ взял Чжан Цифэна в ученики, тот уже успел сдать экзамен на степень сюця и обручиться. В родной деревне о нём шла добрая слава, жизнь его складывалась как нельзя лучше».

Шитоу тогда удивлённо спросил:

— И что же, ему этого показалось мало?

— Вовсе нет, — со вздохом покачал головой Сюэ Линцзин. — В его роду из поколения в поколение передавался страшный недуг. Отец Чжан Цифэна лишился возможности ходить, едва перешагнув порог тридцатилетия, а ещё через несколько лет его полностью разбил паралич. Семья распродала всё имущество в поисках лекарств, но отец так и угас в нищете и тоске. Старший брат ушёл из жизни совсем юным, мать постоянно изнуряли хвори. Сам Чжан Цифэн, хоть и преуспевал в науках, со временем тоже стал замечать слабость: по ночам его прошибал холодный пот, а ноги усыхали так быстро, что вскоре он уже не мог сделать и шагу без костыля. Если бы Цихэ не забрал его в Улин, он бы давно повторил горькую судьбу отца.

Подперев ладонью подбородок, Шитоу слушал, и при словах «из поколения в поколение» в его уме на миг вспыхнула догадка, но ухватиться за неё не удалось.

— Хм... Вся эта история кажется мне до странности знакомой, — пробормотал он себе под нос.

Провозившись с загадкой добрую половину ночи, они так и не пришли к единому выводу и в конце концов просто прикрыли глаза, прислонившись друг к другу. Ночной ветерок ласково шелестел за окном, выдувая из покоев застоявшуюся духоту и унося едва уловимый запах крови. Полная луна выплыла из-за туч, заливая комнату ровным, тёплым светом.

Хмельной Сюэ Линцзин спал безмятежно и крепко, оставив Шитоу наедине со своими терзаниями. Сердце последнего словно кошки скребли — зудящее любопытство не давало покоя. Аккуратно отстранившись от спящего, он принялся мерить комнату шагами. Кружа по комнате, он заметил на столе Веер Светлого Зеркала, взял его и подставил шёлковое полотно под лунный луч. На ткани медленно проступили очертания человеческой фигуры. Шитоу прищурился, вглядываясь: перед ним предстал тот самый силуэт, что напал на Жань Вэньчжуана в Пещере Водного Утеса.

Зеркальный веер показывал лишь спину — худощавую, сутулую, облачённую в даосскую мантию ученика Пещеры Водного Утеса. Этот образ действительно походил на описание Чжан Цифэна, но Шитоу не покидало смутное ощущение подвоха. Он долго рассматривал безвольно опущенные руки незнакомца. Тонкие, мертвенно-бледные пальцы с проступающими сквозь кожу сине-серыми венами действительно принадлежали человеку, истощённому затяжной болезнью.

— Нет, нет, всё не то... — Шитоу упрямо мотнул головой и несильно постучал себя кулаком по лбу.

В этот миг над головой призрачного силуэта на веере плавно пролетел розовый лепесток. Шитоу инстинктивно попытался смахнуть его, но пальцы лишь рассекли воздух.

Он замер в недоумении. Откуда на артефакте взяться цветам? Оглянувшись, Шитоу понял: ночной сквозняк занёс в распахнутое окно лепестки персика. Отражаясь в глянцевой поверхности веера, они ложились на призрачную спину, словно осыпая силуэт несуществующей розовой пылью.

Шитоу долго смотрел на эту картину, как громом поражённый. Затем резко вскочил, подлетел к постели и принялся немилосердно трясти Сюэ Линцзина за плечи.

— Сяо Сюэ! Брат Сюэ! Глава школы Сюэ! Да очнись же ты! Скорее! Ну и дураки же мы с тобой! Нас обоих обвели вокруг пальца!

Сюэ Линцзин глухо замычал, пытаясь высвободиться из цепких рук, и со стоном разомкнул веки. Сонный туман мгновенно рассеялся, уступив место ясности. Вспомнив свои недавние пьяные излияния, он почувствовал, как к щекам приливает краска стыда, но сейчас было явно не до приличий.

Прищурившись, он уставился на взбудораженного Шитоу:

— Что ты раскопал?

— На веере не Чжан Цифэн, — выпалил Шитоу.

— С чего ты взял? — Сюэ Линцзин окончательно протрезвел, словно на него вылили ушат ледяной воды. — У тебя есть доказательства?

— Помнишь, когда мы были в агентстве сопровождения Сюй, молодой глава сопровождения Сюй повздорил со мной и со злости закинул меня в гроб, который везли люди из школы Цаншань? — Шитоу выудил откуда-то бумажный веер и с преувеличенной быстротой обмахнулся им. — Кхм... Мало того, он уложил меня прямо в объятия покойника!

Сюэ Линцзин лишился дара речи.

— Я тогда чуть со страху не умер, разглядывать мертвеца у меня желания не было, да и обниматься с ним тоже. Но я отлично помню, что его окоченевшие пальцы застыли в очень странном положении. Вот так, — Шитоу согнул ладонь, изображая полураскрытую когтистую горсть. — Будто он пытался что-то удержать. Но это движение совсем не походило на хватку мечника, или веер так не держат, да и для метания скрытого оружия жест не подходит. Только после твоего рассказа до меня наконец дошло! Пальцы покойного скрючились так, словно он...

— Опирался на костыль, — едва слышно закончил за него Сюэ Линцзин.

— Именно! — Шитоу звонко ударил кулаком по ладони и победоносно усмехнулся. — Того бедолагу в гробу точно убили, но вряд ли это сделали кровные враги. Он падал навзничь, словно немощный старик, которого толкнул собственный внук. В то роковое мгновение он думал не о том, как выхватить меч или защититься веером. Первым делом его рука потянулась к костылю, в котором он давно уже не нуждался!

Сюэ Линцзин приоткрыл рот, но слова дались ему с трудом:

— Но ведь Цифэн навсегда оставил костыль, как только достиг ступени бигу.

— Старую привычку не вытравить из костей, — негромко отозвался Шитоу, вновь поднимая Веер Светлого Зеркала. — Теперь посмотри ещё раз. Разве на руках того человека, которого видел наш маленький соученик Жань Вэньчжуан, есть хоть какие-то следы многолетней ходьбы с костылём?

Сюэ Линцзин медленно покачал головой:

— Фигурой тот нападавший точь-в-точь как Цифэн. Но даже если это чужой маскарад... как посторонний мог проникнуть за Переправу Персикового Источника?

— Древнее предписание гласит, что во владения Персикового Источника нельзя войти без провожатого из школы Улин. Но если негодяй сам принадлежит к вашей школе, преград для него нет, — парировал Шитоу. — Ты забыл? Среди уцелевших учеников Пещеры Водного Утеса, помимо Чжан Цифэна, был кое-кто ещё.

Сюэ Линцзин вздрогнул.

— Кто?

Шитоу с сухим щелчком захлопнул веер и негромко постучал им по краю стола, чеканя каждое слово:

— Три месяца назад. Городок Лайфу. Отбор учеников. Мальчишка по фамилии Сун. Хотя ему уже и исполнилось шестнадцать лет, он с самого детства был немощным и чахлым. Тем не менее Чжан Цифэн упрямо взял его в личные ученики. Стоило парню переступить порог школы, как его недуг обострился, и учитель выхаживал его, не смыкая глаз. А в тот день, когда я вырезал обитателей Пещеры Водного Утеса, этого юноши там по чистой случайности не оказалось. И ни у кого из вас это не вызвало подозрений?

— Если ты клонишь к Сун Чжиюю, то здесь ты ошибаешься, — возразил Сюэ Линцзин. — Его тело было истощено до предела. Не успел он пробыть в Улин и нескольких дней, как перестал принимать даже воду. Цифэн не отходил от его постели, извёл на него кучу чудодейственных пилюль и духовных снадобий, но облегчения это не принесло. Понимая, что его усилия тщетны, он лично увёз Сун Чжиюя в Долину Яююэ к тамошним целителям. В тот день он даже приходил ко мне, умоляя написать рекомендательное письмо, чтобы лекари согласились побороться за угасающую жизнь юноши.

— И что случилось потом? — прищурился Шитоу.

— Больше я о нём ничего не слышал, — признался Сюэ Линцзин. — Разве что Цихэ как-то обмолвился, будто из Долины Яююэ пришла весть, что мальчик преставился.

Шитоу лишь горько усмехнулся.

— Боюсь, это была лишь искусная уловка Чжан Цифэна.

Он выдержал паузу, небрежно потянулся к столу, подхватил кувшин с вином и бездумно вылил остатки хмельного напитка в стоящую у окна кадку с растением. Дождавшись, пока сосуд опустеет до последней капли, Шитоу вскинул голову и пристально посмотрел на собеседника:

— Чжан Цифэн пошёл на предательство и выдумал всю эту ложь ради спасения ученика. Того самого Сун Чжиюя, в чьём теле теплится Янская душа Пожирающего парчу червя — тварь тёмная, зловещая и невероятно опасная. Я прав?

<http://bllate.org/book/18360/1798441>